

ХОЛОП НА ПАШНЕ В СВЕТЕ ДАННЫХ ТОПОНИМИКИ

Проблема холопа на пашне — одна из основных в истории феодально зависимого населения. Факт привлечения «несвободных» людей — холопов, к сельскохозяйственному труду с древнейших времен существования феодальной вотчины, по-видимому, не вызывает никаких сомнений.

Не вызывает сомнений и общий характер эволюции холопа на пашне — от классического «раба» в узком смысле слова до средневекового серва, крепостного крестьянина, наделенного орудиями и средствами производства и прежде всего земельным участком в вотчине господина.

На данном этапе развития исторической науки сущность проблемы холопа на пашне — в определении конкретных этапов указанной выше эволюции.

Одним из основных моментов этой эволюции является переселение пашенного холопа из «казармы» на господском дворе, «где помещалась обрабатывающая господское поле челядь, в отдельный

³⁰ РИБ, т. 6, № 44, стб. 385—386.

двор с особым земельным участком и земледельческим инвентарем».¹

Это переселение холопа не только важнейший момент в его биографии, но и существенный шаг в сторону превращения его в крестьянина. По данным новейшей историографии можно наметить три этапа эволюции холопа в сторону серва: 1) холоп-челядин в казарме; 2) холоп, посаженный волей господина в отдельный двор и снабженный господским инвентарем; 3) холоп, длительно «владеющий» «своим» участком («приросший» к нему) и своим инвентарем.²

С какого же времени можно проследить в источниках второй и третий этапы?

В новейшей историографии не существует единого ответа на этот вопрос.³

Сложность изучаемого вопроса не позволяет надеяться, что он может быть решен сразу, путем обнаружения и привлечения единичных новых источников. Однако такое привлечение, обогащая наши конкретные знания, способствует постепенному продвижению вперед в изучении этой важной проблемы.

Два документа, связанных с историей землевладения в Переяславском уезде, показывают интересные, как мне кажется, конкретные черты положения холопов XV и XVI вв.

Деловая грамота 1516—1517 гг. братьев Пересветовых перечисляет их земли и «людей».⁴

Один из братьев, Василий, получает по разделу две деревни, Синцово и Олексино, с тянущими к ним землями и угодьями, лугами Долгим и Тарутиным и Казаковой Кулигой «от поля от сельского осека по ручей по Студенец, ... да ручьем на низ к Болтинской кулизе, да возле кулигу к Семенове позже Максимова» (курсив мой, — Ю. А.). Ему же достались отцовские холопы: «Сенка Максимов, да сын его Максимец, да Семенец Болтин, да его жена Овдотья, да Офоница Кривой Аношин сын, да Настя Московка, да сын ее Селиванец, да девка Машка Болтина» (курсив мой, — Ю. А.). Таким образом, В. Пересветову досталось фактически три семьи: отец с сыном, муж с женою и взрослая (?) дочь, мать с сыном и еще один холоп отдельно.

¹ В. О. Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России. Сочинения, т. VII, М., 1959, стр. 363.

² С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939, стр. 61, 67; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, 1. Изд. 2. М., 1952, стр. 525.

³ Ср., например: С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма...; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси...; Черепнин. Образование Русского Централизованного государства. М., 1960, стр. 255; В. М. Панаях. Холопы-страдники в XVI в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1960 г., 1962, стр. 78—80.

⁴ ЦГАДА, ф. 283; ГКЭ, № 8779; в сокращенном виде см.: С. А. Шумakov. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. IV. 1917, № 949.

Как видно, именам обеих глав холопских семей соответствуют названия урочищ, тянущих к вотчинным землям В. Пересветова.

Такая зависимость топонимики от личных имен может образоваться, мне кажется, только при двух условиях: 1) индивидуальном характере использования данных участков земли (в нашем случае сенокосных угодий); 2) длительных связей данного лица с данным участком (угодьем).

По-видимому, в пересветовской вотчине были налицо оба условия. А это значит, что в вотчине начала XVI в. есть холопы, переживающие третий из намеченных выше этапов своего «окрестьянивания», длительно и прочно (в бытовом смысле) связанные с землей.

Но не является ли этот «третий этап», этот холоп-деревенщик, атрибутом XVI в., того нового, что принесло образование централизованного государства?

Ответ на этот вопрос дает духовная некоей Марии (по предположениям издателей АСЭИ, Петелиной), относящаяся, по-видимому, к первой половине XV в.⁵

Мария завещает внуку своему Михаилу три переяславских села с деревнями (села Новое, Скнятиново и Ратковщина), половину деревни в Московском уезде и половину «двора переяславского». Он же получает «людей», т. е. холопов, которые перечислены поименно. Отвод земель села Нового, приводимый в духовной, дает возможность сопоставить топонимику части владений Марии с именами ее людей. При этом можно использовать несколько более поздний (50—60-х годов XV в.) документ, посвященный тем же землям⁶

«Люди» М. Петелиной

Коков
Кожух
Козел
Сырье⁷
Батый
Меленица
Тебенек
Молот
Литвин
Денкс
Грибец
Олюница
Пигиль

с женою
и детьми

Данные топонимики по №№ 228 и 347

Рылова деревня
Тебенково плужище
(Осочливый) луг
Кожухов овраг
Трясилово болото
Иванцева деревня
(Совье) болото
Кожухово селище
«Другое» Кожухово селище
Коконинское селище
Молоотово селище
«...селишки, что над Осочливым
лугом»

⁵ АСЭИ, т. I, 1952, № 228. Селом Скнятиновым, которое Мария завещала своему внуку Михаилу, в 1450 г. владеет уже другое лицо — Иван Петелин (там же, № 236), что и служит основанием для датировки рассматриваемого акта.

⁶ Там же, № 347. Это меновная и отводная запись Алферия Едигея на село Новденское, т. е. Новое.

⁷ В акте № 466 (70—80-х годов XV в.; развод земель села Скнятиново) упоминаются Пырьевское болото и Пырьевский путь. В описании конца XVI в. в тех же местах фигурирует деревня Сырьево (ПКМГ, отд. 1, 1872, стр. 815).

Ондреец Повозников	} с женою и детьми	Григорово селище
Ондреец Власьев		Сувырово селище
Москат		(Завражное) поле
Чюприянова с детьми		Дерибово селище
Позденова жена с детьми		Слинково болото
Дмитроковых двое детей		
Апышка		
Дешев	} с женою и детьми	
Бузлица		
Дешевов сын		
Тимоница		
Ориница с детьми		
Маурица с детьми		
Оксентиец с женою и детьми		

В приведенных данных перед нами два ряда собственных имен: личных имен (прозвищ) «людей» и географических названий. Имена «людей», передаваемых Михаилу, приведены, по-видимому, полностью (однако, возможно, были «люди», отпущенные на свободу и в перечень не попавшие). Географические названия упомянуты не все, а только такие, которые лежат на (или близ) линии отвода, т. е. на границе владения. Но и эти названия приведены не полностью — см. стб. 2, «...селишки, что над Осочливым лугом».

Из шестнадцати прочих топонимических названий можно выделить группу таких, которые имеют, видимо, чисто «топографическое» происхождение и не связаны с собственными именами каких-либо людей (холопов и нехолопов) (эти три названия заключены в скобки). Остаются 13 названий, которые могут быть так или иначе связаны с личными именами. Из этих 13 названий 6, т. е. около половины, восходят к именам «людей» Марии, перечисленных в духовной. Из девяти деревень и селищ, упомянутых в актах, четыре имеют названия, происходящие от имени (прозвищ) холопов. От имени холопа произошло также единственное в актах название «плужища», т. е. пашенной земли, связанной, вероятно, с поселением — деревней.

Таким образом, мы видим, что зависимость топонимики от имен холопов была (количественно) весьма значительной, охватывая почти до половины всех названий поселений и культурных участков. При этом надо иметь в виду, что по вышеуказанным свойствам материала составленная таблица может отразить только минимальное число реально существовавших связей между топонимикой и именами холопов.

Опыт Петелинской вотчины отнюдь не должен интерпретироваться расширительно. Конкретная роль и конкретное состояние холопа на пашне могли быть различными в разных владениях. Ознакомление с Петелинской вотчиной только показывает, что холоповладельцев и даже владельцев деревни — реальные фигуры уже в первых десятилетиях XV в. Процесс превращения холопа в «серва» продвинулся к этому времени далеко вперед.